

NB: заметь хорошо

Падший ангел реалистического театра

К 120-летию со дня рождения Вс. Э. Мейерхольда

Вс. Москва. - 1994. - 9 февр. - с. 7.

К концу девятнадцатого века Россия уже давно была. К концу двадцатого она снова появилась. Между той и другой Россией мало общего. Меньше, чем хотелось бы многим. Но кое-что есть.

Например, широкая известность редкой у нас немецкой фамилии «Мейерхольд». Только тогда с ней ассоциировалась знаменитая водка, которая производилась на заводах Мейерхольда-отца. А теперь она неразрывно связана с художественным наследием русского модерниз-

ма и левого авангарда, в которое крупнейший вклад внес Мейерхольд-сын, Всеволод Эмильевич (1874–1940). Европейски знаменитый театральный режиссер, актер, теоретик.

Не исключено, что Мейерхольд-сын мог бы в большей степени рассчитывать на благодарную память нынешних россиян, если бы пошел по стопам отца. Занялся винокурением, а не обновлением театра. Его непременно поминали бы в синодике российских предпринимателей. И уж во

всяком случае он не попал бы под тяжелую руку А. Солженицына: в своем выступлении в ньюйоркском Национальном клубе искусств он объявил русский авангард апофеозом разрушения, обвинил «орду авангардистов» в союзнничестве с коммунистами.

История, однако, не знает сослагательного наклонения. Пройдя великую школу реалистического театра в его главной цитадели — МХТ, у Станиславского и Немировича-Данченко, Мейерхольд отдал свой огромный талант поиску новых путей в театральном искусстве: новой режиссуры, новой драматургии, новой выразительности. И на этих путях ему удалось сделать удивительно много, хотя он мог сделать и больше: без его легендарных спектаклей «Балаганчик», «Маскарад», «Ревизор», «Дама с камелиями» невозможно представить и понять отечественное и мировое театральное искусство XX века. Если в 20-е годы Москва воистину стала «театральной Меккой», то не в последнюю очередь благодаря ГОСТИМУ (Государственному театру имени Вс. Мейерхольда), позднему и любимому детищу Мастера. И несмотря на полемическую заостренность реформаторской деятельности Мейерхольда против классики и классических традиций, за ней внимательно следил и ее высоко ценил Станиславский.

Безусловно, в своей работе, и прежде всего в своем поведении, Мейерхольд, как и многие другие его соратники по авангарду, отдал дань политической и социальной актуальности. Но это отнюдь не перекрывает значения того, что он реально делал как гениальный художник, не объясняет его мощного, хотя и неоднозначного влияния на художественную культуру нашего столетия. Стремясь разорваться в магии его творчества, Александр Блок, испытывавший на себе ее силу, записал в своем дневнике, что мейерхольдовский модернизм — «с искусством». С искусством остался и мейерхольдовский авангардизм. Этого ему в конечном счете и не могли простить Сталин и его идеологические сатрапы.

С искусством остался Мейерхольд и в своей любви к той, кто разделил вместе с ним и тяготы его творческого пути, и его трагическую развязку, — Зинаиде Райх.

С искусством остается Всеволод Мейерхольд и сегодня. Настолько, насколько сегодняшний театр осознает себя и является таковым.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ.

НА СНИМКЕ: Вс. Э. Мейерхольд в кабинете, 1930 г.

Репродукция Ю. КОЧЕТКОВА.

